

Кожаный чехол

Жил-был князь Никита со своею княгинею Дарьей, и была у них дочка Улита-княжна, неописанная красавица. Жили они в любви и согласии так счастливо, что взяла злую ведьму зависть на князя с княгинею, и стала ведьма думать да гадать: как бы их счастье извести и до худа их довести.

Раз занемогла княгиня Дарья. Ведьма прикинулась лекаркой-ворожеей, пришла к ней и давай ее лечить. Разных ей зельев давала — что ни есть самых вредных, а как увидала, что уж недалеко княгине до смерти, и говорит ей: «Воля Божья, княгинюшка: приходит твоя кончина. Муж твой, князь Никита, еще не стар человек: задумает, может быть, во второй раз жениться. Вот тебе золотое колечко; коли хочешь своему мужу добра, отдай ему это кольцо и пусть поклянется он тебе великой клятвой, что после тебя он только на той девице женится, которой кольцо впору придется. Коли найдет он такую невесту — счастлив будет и тебя помянет добрым словом».

Княгиня злую ведьму послушала, связала мужа великой клятвой и померла.

Долго горевал по жене князь Никита, много слез пролил, да нет того горя, чтоб от времени не утишилось. Понемногу стала и у князя тоска по жене убавляться, стал он во вдовстве скучать и задумал во второй раз жениться. Искать-поискать — невест много, да ни одной заветное кольцо не по ручке: одной мало, другой велико. Ездил князь и по городам и по селам; всех красных девушек перебрал, а суженой себе не сыскал; приехал домой задумавшись. «О чем, батюшка, кручинишься?» — спрашивает его Улита-княжна. Открыл он дочери свою думу, рассказал свое бездолье. «Что ж это за мудреный перстенок? — говорит она. — Дай-ка я померяю». Надела на пальчик — колечко обвилось, засияло, пришлось по ручке, словно для нее вылитое.

Поднял отец глаза на дочь — да так и остолбенел: стоит перед ним его Дарья-княгиня, точно вылитая — как он ее за себя замуж брал, только еще красивей, еще милей во сто раз... "Видно, судьба моя такая, « — подумал князь. И говорит дочери: Ну, коли кольцо тебе пришлось, значит, тебе моей женой быть. Собирайся к венцу». «Что ты, батюшка, вспомни Бога! Женятся ли на родных дочерях?» Ничего князь Никита и знать не хочет, велит готовить свадьбу...

Ночью пошла Улита-княжна на материну могилку, приникла к сырой земле, горько-горько плачет и на свое горе жалуется. Вдруг слышится ей голос из

могилы: «Не плачь, дочка, не горюй. Скажи отцу, что-тогда согласишься идти за него, когда будет у тебя платье, что ясней месяца...» Отец начал искать по всем землям хитрецов-мудрецов, искусных мастеров, чтоб сумели сшить такое платье. Долго-долго искал, а все-таки нашел. Вот и платье к венцу готово — блестит, переливается, что ясный месяц. «Ну, дочка, собирайся к венцу!» — говорит Никита-князь.

Пуще прежнего княжна запечалилась, пошла ночью на материну могилку, и слышится ей материн голос из-под земли: «Дочка моя милая, дочка несчастная! Не плачь, не горюй: раз не удалось, в другой по-нашему будет. Скажи отцу, что-тогда только за него пойдешь, коли достанет он тебе платье, что солнце красное...» И такое платье достал князь Никита дочери. «Собирайся к венцу!» — приказывает.

На другой день пришла княжна к отцу и говорит ему: «Последняя моя просьба к тебе, батюшка: коли откажешь мне в ней, лучше я на себя руки и наложу. Прикажи ты сделать на меня чехол из шкур всех зверей, которые в твоей земле водятся, да три говорящие куколки». Отец согласился; разослал всех своих охотников бить диких зверей и шкуры с них снимать; стал искать хитрецов-мудрецов, искусных мастеров, чтоб сделали говорящих кут колоков... Долго ли, коротко ли — готовы и чехол и куколки. «Собирайся, дочка! — говорит князь Никита дочери. — Сейчас к венцу пойдем!»

Как приказала мать из могилки, надела Улита-княжна кожаный чехол на свое тело белое, выпачкала лицо сажей, завязала в узелок свои платья — что как месяц сияет, что как солнце горит — и посадила по углам своей горницы говорящих куколок. Вдруг стучит отец в дверь: «Торопись дочка; уж карету подали». «Башмаки надеваю, батюшка!» А куколки в углах закуковали: «Куку, князь Никита! Куку, дочь Улита! Вот отец идет, дочь замуж берет... Земля, расступися; княжна, провалися!» Расступилась земля, стала Улита-княжна под землю опускаться... Опять стучит отец в дверь: «Что ж ты, дочка, мешкаешь? Выходи, а то дверь выломаю!» «Шубу, батюшка, надеваю!» А куколки в углах кукуют: «Куку, князь Никита! Куку, дочь Улита! Вот отец идет, дочь замуж берет... Земля, расступися; княжна, провалися!» Княжна опустилась, и земля за ней закрылась... Стучал-стучал в дверь князь Никита — дочь не откликается; выломал двери, смотрит: нет дочери нигде, только куколки сидят в углах да кукуют: «Куку, князь Никита! Куку, дочь Улита! Вот отец пришел, своей дочки не нашел... Земля расступилась, княжна провалилась!..» Схватил князь свой острый меч и отрубил головы куколкам...

А княжна идет себе под землей да идет. Долго ли, коротко ли — вышла она опять на белый свет в чужой стороне, а дальнем царстве, посреди дремучего

леса. Только успела княжна кругом оглянуться, ясным солнышком полюбоваться, вдруг слышит: лают собаки, скачут охотники, в рога трубят, собак на след нагоняют. Испугалась княжна Улита, влезла на ближнее дерево и затаилась. Собаки набежали; скачут на дерево, лают, так кругом дерева и вьются. В то время охотился там королевич; подскакал он к дереву, вокруг которого собаки остановились, поглядел вверх и диву дался: вот чудо — ни зверь, ни человек. «Что ты такое?» — спрашивает. «Я — девушка, твоих, королевич, собак испугалась». — «Ну, слезай вниз; я тебя с собой возьму, отцу с матерью покажу».

Король с королевой поглядели на Улиту-княжну в кожаном чехле и приказали держать ее на кухне, чтоб она лоханки выносила да золу из печи выгребала. «Была, — говорят, — тебе, сынок, охота, такую чушку во дворец приводить! Вся черная, грязная, в шерсти — точно чудище лесное». Стала жить княжна на кухне, черную работу править и всякое поруганье от дворни терпеть. Прозвали ее слуги Кожаным Чехлом и всячески над ней ругались.

Раз — случилось дело в праздник, в воскресенье — собрался королевич утром к обедне ехать. Хвать-по-хвать, а сапог ему не подали. Рассердился он, сошел в кухню и стал браниться: «Что это за непорядки: народу полон дворец, а мне сапог не подано!» Откуда ни возьмись, подскочила к нему чумичка, которую Кожаным Чехлом прозвали, и подает сапоги: «Извольте, господин королевич!» А он ей: «Чего ты, — говорит, — чумичка грязная, не в свое дело суешься, за мои сапоги берешься!» И кинул в нее сапогом.

Только уехал королевич в церковь — Кожаный Чехол побежала в курятник, надела там на себя свое платье, что блестит-переливается, словно ясный месяц, и пошла в церковь тоже. Диву дался королевич, увидавши неописанную красоту, княжну Улиту в наряде, и посылает министра, чтоб узнал: откуда такая красавица явилась. Побежал министр, спрашивает. А она ему: «Скажите, — говорит, — что я из города Сапогова!» Да с тем словом, пробралась через толпу к выходу, прибежала назад в курятник, влезла опять в свой кожаный чехол, лицо и руки сажей вымазала и сидит в кухне, около печки, в золе копается.

Воротился назад королевич. «Ах, батюшка с матушкой, — говорит, — какую я дивную красавицу в церкви видел — наверное, королевна: так хорошо одета... Благословите поехать ее разыскать. Она из города Сапогова». «Ну что ж, поезжай, дитятко!..» Уж королевич ездил-ездил по всем соседним губерниям — нет города Сапогова... Так ни с чем и воротился в великой тоске и печали.

В недолгом времени опять случилось ему в церковь собраться. Умылся он, оделся, хочет волосы причесать — ая гребня и нет. Сошел он в кухню: «Что, — кричит, — за беспорядки! Людей полон дворец, а гребня мне подать некому!» «Извольте гребень, ваша королевская милость!» — говорит ему чумичка, Кожаный Чехол. Он рассердился, хлопнул ее тем гребнем по лицу: «Ах ты, — говорит, — свинья грязная! Не возьму я твоего гребня». И уехал в церковь.

Только уехал королевич, а чумичка, Кожаный Чехол, побежала в курятник, умылась, прибралась, оделась в другое свое платье, что словно солнце горит, и пошла тоже в церковь. Пуще прежнего удивился королевич, увидавши ее; не стерпел, подошел к ней сам и спрашивает: «Откуда ты, красавица, чьих отца с матерью дочь?» «Я из города Гребешкова. А зовут меня княжной Улитой». «Полюбилась ты мне, красная девица, княжна Улита, — говорит королевич. — Хочешь, возьми от меня на память вот это колечко?» Княжна взяла кольцо, надела на палец и, улучивши минутку, ушла из церкви, так что королевич и не видал.

Воротился королевич домой в большом горе, потому что опять упустил из глаз красавицу. Целую неделю потом он ее искал — так и не нашел города Гребешкова.

Через сколько-то времени, в праздник, король с королевой к знакомым в гости ушли, а королевич на охоту уехал. Повар хозяев не ждал домой рано, не готовил обеда и от безделья напился пьян.

Вдруг ворочается домой молодой королевич и кричит сверху в кухню: «Эй, приготовьте мне поесть чего-нибудь!» А кто готовить станет? За поваром вслед все слуги перепились... Взялась чумичка Кожаный Чехол сготовить: набрала яиц в курятнике, состряпала королевичу яичницу, да как подавать на стол, опустила в нее золотое колечко.

Стал королевич яичницу кушать — глядь: на сковороде то самое кольцо, которое он в церкви неведомой красавице дал... Удивился он, кинулся в кухню и вскричал громким голосом: «Кто мне яичницу готовил? Подавайте мне его сюда!» «Чумичка, Кожаный Чехол, готовила!» «Где она? Приведите ее!» — приказывает королевич. А тут как раз и король с королевой, из гостей вернувшись, на шум в кухню вошли. Рассказал им сын, в чем дело, и стали они все искать чумичку, Кожаный Чехол. Искали-искали, вдруг отворяется курятник и выходит из него девица неописанной красоты, в платье, что словно солнце горит. Королевич так к ней и кинулся: «Батюшка-матушка! — говорит. — Вот моя невеста ненаглядная, Улита-княжна! Благословите нас — нам на счастье, вам на утешенье!» Подошла красавица к королю с королевой близко,

поклонилась им низко; собой она стала статна, личиком чиста; очи ясные, как у сокола; брови черные, как у соболя; на щечках румянец, что маков цвет...

И рассказала Улита-княжна им все про себя: как от отца ушла, в кожаном чехле жила. Король с королевой сыну не противились, благословили его с Улитой-княжной... И пошли тут у них пиры, полились меды. Ели гости до икоты, пили до перхоты, пели до надсаду, плясали до упаду.

И я на той свадьбе был: пил-гулял, пировал. Тут и меня угощали: отняли лохань у быка, налили в нее молока, потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я стал упираться — со мной стали драться. Надел было я колпак — меня стали в шею толкать. Я упирался-упирался да и вон убрался...